

Убить их?

Он думал о мести. Представлял, как их начнут презирать и отталкивать в деревне, как плотник Тянь потеряет своё ремесло, как они будут жить в нищете и голоде. Представлял, как они падут перед ним на колени, рыдая и раскаиваясь.

Но вот о том, чтобы лишить их жизни... он не думал никогда.

В этот момент из дома снова донеслись голоса матери и сына.

«Мама, если Ван Саньлану и правда удастся это... не станет ли он ещё наглее?» - в голосе Тянь Ваньсина слышалась тревога.

С детства Ван Саньлан воровал кур и мелкие вещи, а повзрослев, начал вести себя распутно — приставал к людям, подглядывал. Он давно стал тем, кого боялись и юноши, и девушки в деревне — стоило попасться ему на глаза, и жизнь могла быть разрушена.

Когда стало известно, что он скоро уезжает далеко, в деревне вздохнули с облегчением.

«Чего бояться?» - ответила Чжан Мэйлинь. «Какой-то Ван посмеет важничать перед родом Тянь? В нашей деревне Тянь не из слабых. Если бы ваши предки не приютили когда-то беженцев из семьи Ван, неизвестно, где бы они сейчас все подошли».

Сказав это, она ещё пару раз выругала предков семьи Тянь, которые тогда приняли решение приютить людей с фамилией Ван. Те заработали себе доброе имя, а беду оставили потомкам.

Затем она добавила:

«Этот Ван и так не может найти себе ни мужа, ни жены. Даже такого, как Хэ Бянь — худого да невзрачного — готов взять. Ты же хотел, чтобы его помолвка сорвалась? Вот и радуйся».

В душе Тянь Ваньсин почувствовал удовлетворение, но тревога всё ещё не отпускала. Однако, глядя на решимость матери отомстить, он снова обрёл уверенность. Пока рядом родители — они всё решат за него. Чего ему бояться?

Снаружи Чжоу Ци посмотрел на Хэ Бяня. Тот сжал кулаки, зубы едва заметно дрожали.

«Убить или нет?» - спокойно спросил Чжоу Ци.

Хэ Бянь покачал головой.

«Тогда отплатить тем же? Око за око?»

Хэ Бянь снова покачал головой.

«Если я стану таким же, как они... чем я буду от них отличаться?»

Он хотел отомстить — но при этом жить чисто, не запятнав себя.

Чжоу Ци на мгновение замолчал.

В межзвёздном апокалипсисе он был оружием, прокладывающим путь по указке власти, основой трона.

Он сменил множество хозяев. Люди боялись его, стремились уничтожить, желали свергнуть жестокую, бесчеловечную власть.

Но поколение за поколением власть переходила из рук в руки, и он видел, как те, кто когда-то боролся с драконами, сами становились драконами.

Никто не мог устоять перед абсолютной, непоколебимой силой и властью.

Этот ребёнок сейчас отказывается... просто потому, что ещё не знает, на что он способен.

Или, точнее, он просто ещё не вкусил, что такое власть.

Хэ Бянь не знал, о чём думает Чжоу Ци. Тот был растрёпан, лицо толком не разглядеть, глаза — как ледяная бездна, ничего в них не прочесть. Да и сам Хэ Бянь не имел привычки постоянно задирать голову, чтобы смотреть на других, а Чжоу Ци, в свою очередь, не опускал взгляда, чтобы его рассматривали.

Хэ Бянь вошёл во двор — и тихие разговоры в кухне мгновенно стихли.

Воздух словно натянулся: тревога, будто при каждом шорохе мерещится враг. Это ощущение неожиданно придало Хэ Бяню уверенности — и он, ещё недавно колебавшийся, вдруг зашагал широко и развязно.

Да, именно так. Либо ты подавляешь, либо подавляют тебя.

Главное — не уступить в напоре.

Дверь в кухню была плотно закрыта — и без слов ясно, что изнутри она заперта на засов.

«Открывайте!» - крикнул Хэ Бянь.

Изнутри — ни звука.

Он, подражая повадкам Ван Саньлана, задрал ногу, собираясь с размаху выбить дверь. Но стоило ему резко ударить вперёд — короткая нога даже не достала до неё. Центр тяжести сместился, вторая нога не удержала — и он чуть не врезался лицом в доски.

Тело перекосило, и он, шатаясь, завалился в сторону Чжоу Ци.

Тот шагнул вбок.

Хэ Бянь с глухим стуком рухнул на землю и злобно уставился на него.

Он подавил желание выругаться, быстро и тихо поднялся, стараясь, чтобы в доме не заметили его позора. Внутри всё кипело, но тут Чжоу Ци спокойно сказал:

«Ты не просил».

Хэ Бянь стиснул зубы. Вспомнив, что этот "дурак" мягок к просьбам, а не к давлению, он тут же надел жалобное выражение лица, указал на дверь, затем на длинные ноги Чжоу Ци и тихо произнёс:

«Братец... эта дверь меня обижает. Помоги мне её выбить, ладно? У тебя точно получится...»

Чжоу Ци опустил взгляд.

А затем — шаг, удар.

Бах!

Крепкая дверь словно разорвалась изнутри и с грохотом рухнула.

Мать и сын, прятаясь за печью, испуганно прижались друг к другу, с побледневшими лицами глядя на мужчину, вошедшего через пролом. Он был так высок, что, входя, даже пригнулся, и его фигура почти полностью заслонила свет.

Кто... кто это?

И только когда из-за его талии высунулась физиономия Хэ Бяня — самодовольная, вызывающе дерзкая, — они поняли.

Хэ Бянь весело улыбнулся:

«Мама, младший брат, это же я».

Он склонил голову:

«Ну как, мой брат сильный?»

Они смотрели на него — и не узнавали.

Словно перед ними был не тот человек.

Словно в него вселился злой дух, словно он переродился демоническим ребёнком.

Как он мог так внезапно превратиться в этого пугающего безумца?!

Хэ Бянь сжал лицо, стараясь держаться твёрдо. Непривычка отдавать приказы делала его голос резким и натянутым, отчего он звучал ещё более властно:

«Тянь Ваньсин, иди зарежь курицу. Мама — убери кладовку рядом с моей комнатой, постели чистую солому, накрой тем новым одеялом, что сушили пару дней назад, и принеси два комплекта чистой одежды отца».

«С ума сошёл?!» - вспыхнул Тянь Ваньсин, сжимая кулаки. «Кто ты такой, чтобы мне приказывать?! Ещё и курицу нашу есть собрался?! Ты вчера уже жрал и пил, я ещё не успел с тобой за это разобраться! А теперь хочешь притащить этого дурака жить в наш дом? Это мой дом, не твой!»

Хэ Бянь спокойно дождался, пока тот выкричится, и лишь потом ровно сказал:

«Ты лаешь громче, чем собака. Очень шумно».

Он повернулся к Чжоу Ци:

«Братец, мой младший ещё мал и не понимает, как себя вести. Он тебя не уважает, ещё и дураком называет. Дай ему пару пощёчин».

Тянь Ваньсин в страхе спрятался за спину матери. Тот мужчина одним ударом снёс дверь — а ведь её только в прошлом месяце заменили на крепкую, из каштанового дерева. Даже если бы его отец, весом под сто килограммов, повис на ней — она бы не сломалась. Даже кабан с горы, весом в несколько сотен цзиней, не смог бы её выбить.

А если этот дурак даст пощёчину... он точно не выживет.

Увидев, как Тянь Ваньсин прячется, Хэ Бянь вздохнул:

«Родители тебя балуют, и я, конечно, тоже жалею тебя».

Тянь Ваньсин уже было облегчённо вздохнул, как вдруг услышал:

«Так что — он тебя ударит, или ты сам себя?»

Вспоминая страдания прошлой жизни, десятки лет скитаний бесплотным духом, Хэ Бянь почувствовал, как в нём поднимается тёмная, тяжёлая злоба.

У Тянь Ваньсина внутри всё оборвалось. Он вышел вперёд, опустил голову и сам дал себе две пощёчины. Щёки дрогнули, лицо залилось слезами и соплями. Боль была ничто — сильнее давили унижение и страх.

Чжан Мэйлин смотрела, как её сын терпит такое унижение, но не осмелилась вмешаться — лишь яростно сверлила Хэ Бяня взглядом. Будь не этот дурак рядом, она бы уже схватила нож и бросилась на него.

Раньше Хэ Бянь давно бы опустил глаза и сдался. Но теперь у него был кто-то за спиной. А сила Чжоу Ци давала ему небывалую уверенность и спокойствие.

«Мама, - сказал Хэ Бянь, - мой брат будет жить у нас. Это доброе дело. Учёба и экзамены требуют денег и славы — если семья сюэя Чжана узнает, это только улучшит их репутацию».

Он сделал паузу и добавил:

«Конечно, если вы не согласны... я заставлю вас согласиться. Либо сожгу этот дом, либо брат избьёт вас, пока не согласитесь, либо я расскажу всем, какие вы бессердечные, раз не хотите делать добро. В общем — выбирайте».

Это... всё ещё тот самый Хэ Бянь? Тот тихий, угодливый, вечно согнутый парень?

Жилы на шее Чжан Мэйлин вздулись. Никто и никогда не смел так ей угрожать. Неблагодарная тварь!

Но, глядя на распухшее лицо сына, она лишь стиснула зубы и промолчала.

«Чего стоите? Делайте» - приказал Хэ Бянь.

На этот раз слова прозвучали уже естественно.

Тянь Ваньсин вовсе не был избалованным бездельником. Он хорошо вышивал, отлично готовил, учился пару лет в частной школе — умел читать и считать. Всё, что должна уметь хозяйка дома, Чжан Мэйлин заставляла его освоить.

Даже его характер — упрямый и резкий — был возвращён ею самой. Ведь глава семьи Тянь

говорил: если будущий хозяин будет мягким и слабым, как он сможет управлять домом?

Но сейчас мать и сын были напуганы до смерти. Руки их двигались быстро и ловко — не прошло и много времени, как на столе уже стояли блюда.

Хэ Бянь смотрел на большое блюдо с тушёной курицей и картошкой. Ломтики картофеля были нарезаны ровно, пропитаны жиром, выглядели мягкими и ароматными; куски курицы блестели золотистым маслом, приправленные красным перцем и зелёным луком — от одного вида текли слюнки.

Если бы Тянь Ваньсин изменил свой характер, он и правда был бы достоин той гордости и похвал, которыми осыпала его Чжан Мэйлин.

Раньше, когда на столе появлялось мясо, Хэ Бянь никогда не брал палочки сам, если его не звали.

А даже если и звали — он всё равно не ел.

Кто станет есть под презрительным взглядом Тянь Ваньсина? Какой бы вкусной ни была еда — кусок в горло не лезет.

Съесть мясо — значило расплатиться за это своим достоинством.

Как и обычно, Тянь Ваньсин поднял блюдо с курицей и хотел поставить его ближе к себе и матери, но не успел — Хэ Бянь перехватил его.

Тянь Ваньсин злобно уставился, но, бросив взгляд на стоящего рядом Чжоу Ци, не осмелился вспылить. А Хэ Бянь уже поставил блюдо перед ним:

«Братец, ешь побольше».

В глубине души Хэ Бянь опасался, не подмешан ли яд.

Этот дурак крепкий — наверняка выдержит больше, чем он сам.

После вчерашнего поноса он всё ещё чувствовал себя плохо.

Чжоу Ци раньше был машиной — ему хватало кристаллов энергии, он не знал голода. Прежний хозяин тела умер от истощения, и, став человеком, Чжоу Ци впервые испытал мучительный голод. Он тут же сосредоточился на еде.

Сначала он неловко держал палочки, еда соскальзывала. Хэ Бянь подумал, что тот просто изголодался. Но учился Чжоу Ци быстро — уже со второй попытки движения стали уверенными.

Он долго находился рядом с знатью, и манеры за столом впитал невольно: его посадка была правильной, движения — изящными. Сидя с прямой спиной, он с поразительной скоростью опустошал блюда одно за другим.

Хэ Бянь ещё удивлялся, как у этого грязного, оборванного, "дурака" может быть такая красивая манера есть... но, опомнившись, увидел: пять-шесть тарелок уже пусты.

Он решил, что у него галлюцинации.

Недоверчиво моргнул — но Чжан Мэйлин и Тянь Ваньсин тоже стояли, как громом поражённые, будто не верили своим глазам.

Три взгляда, полные изумления, были прикованы к Чжоу Ци. Тот повернул голову к Хэ Бяню — и увидел, что у того на губах висит незамеченная слюна, на лице — жадность, смешанная с потрясением и едва сдерживаемым раздражением.

Впервые Чжоу Ци ощутил нечто вроде неловкости.

Когда этот ребёнок так смотрел — его глаза были точь-в-точь как у кошки. И в этом взгляде было что-то такое, от чего невольно чувствовал себя виноватым.

«Ничего страшного» - сказал он. «Во дворе ещё много кур и уток». И, повернувшись к Тянь Ваньсину и его матери, добавил: «Идите, нарежьте ещё пять кур».

«Пять?!»

Пять кур?!

Это что, твои куры, чтобы так распоряжаться?!

Чжан Мэйлин и Тянь Ваньсин в оцепенении уставились на Чжоу Ци, но стоило ему лишь слегка перевести взгляд — оба тут же вскочили и поспешно выбежали во двор.

Хэ Бянь тоже опомнился.

Пять кур... ему стало больно. Он и сам не понимал, что именно жалеет — просто было до невозможности жалко.

Поглаживая урчащий живот, он сказал:

«Ничего, братец, я столько не съем... главное, чтобы ты наелся».

«Я съем. Это всего лишь треть сытости».

«...Ну, это нормально. Ты сильный, конечно, и ешь больше».

Чжоу Ци заметил, как тому жалко, но не стал ничего объяснять.

Ударив дверь, он потратил немного духовной силы. Она ещё не была полностью пробуждена, и любое расходование требовало огромного восполнения пищей — потому он и ел так много.

Видя, что Хэ Бянь искренне сдерживает голод и жадность, уступая ему, Чжоу Ци подумал, что, став человеком, нужно уметь отвечать взаимностью. Его взгляд слегка смягчился.

«Тебе точно нормально? Ничего не болит?» - с тревогой спросил Хэ Бянь.

Этот ребёнок и правда начал относиться к нему, как к старшему брату.

Чжоу Ци покачал головой.

Хэ Бянь вздохнул про себя: зря переживал — яда нет, а он сам так ничего и не съел.

Во дворе поднялся шум — ловили кур и уток, птицы кудахтали и кричали, люди ругались,

бросая колкости. Проходящие мимо жители, видя такую суету у дома Тянь, только качали головами: после двух таких позорных происшествий ещё и пир устраивают — ну точно, "мертвую свинью кипятком не испугаешь".

Одна старуха, проходя мимо, не удержалась:

«Что это у вас — и кур, и уток режете? Тянь-плотник возвращается, что ли?»

Чжан Мэйлин с притворной скорбью ответила:

«Да где там... тот проклятый всё не возвращается. Ох, бабушка Чжоу, тяжёлая у нас с сыном доля...»

Она не осмеливалась говорить прямо и, произнося это, невольно косилась в сторону кухни — страх уже вёлся ей в кости.

Старуха Чжоу не выдержала:

«Вам тяжело? Да если вам тяжело, то у кого тогда жизнь хорошая? Ого, ещё и пять кур режете! Будь это у меня, я бы от злости и есть не смогла».

С такой матерью неудивительно, что Тянь Ваньсин вырос таким.

А вот Хэ Бянь — удивительно, что не испортился.

Хотя теперь видно: как она говорит "как родного" — да его просто изводили.

«Вас всех обманули!» - вдруг выкрикнул Тянь Ваньсин, указывая на красные следы на лице. «Он не только мать ударил, но и меня! Злой, как змея! А мы его столько лет кормили зря!»

Он словно вырвался из логова зверя — увидев людей, заговорил громко, с яростью, пытаясь разоблачить Хэ Бяня.

Старуха Чжоу даже не смотрела на него, но тут строго одёрнула:

«Вся деревня знает, что это ты мать ударил. А эти пощёчины — это она тебя проучила, да? А теперь ещё и на Хэ Бяня сваливаешь? Думаешь, я, старая, не вижу, что он за человек? Он с детства добрый. Когда вы, ребятня, стояли и смотрели, как я в рисовое поле упала, только он подбежал и помог мне выбраться. Сейчас никто в деревне к тому дураку не подходит — все боятся, что он умрёт с голоду. А он — не испугался, даже домой его притащил. По мне, так это доброе дело. Не смейте его бить и ругать».

Тянь Ваньсин не ожидал, что его отругают. Он в панике обернулся к матери:

«Мама, скажи же!»

Он уже собирался доказать, что пощёчины — не от неё.

Чжан Мэйлин открыла рот, но краем глаза заметила под тёмным навесом у двери кухни Хэ Бяня — тот стоял, улыбаясь. А за его спиной возвышался "дурак", высокий, как хищник.

Чжан Мэйлин вздрогнула от страха. Внутри у неё всё сжалось, на лице отразились испуг и растерянность. Но в глазах бабушки Чжоу это выглядело как стыд за семейный позор и раздражение — будто она не хочет, чтобы Тянь Ваньсин продолжал поднимать эту тему.

Бабушка Чжоу, уверенная, что всё поняла, покачала головой:

«Вы уж... что делаете — делайте с оглядкой. Небо всё видит. Не доводите до крайности. Если бы Хэ Бянь днём не встретил меня и не рассказал всё, я бы, пожалуй, и правда поверила словам Ваньсина».

«Мама, скажи же! Меня же оклеветали!» - в панике воскликнул Тянь Ваньсин.

«Хватит!» - резко оборвала его Чжан Мэйлинь.

В этот момент Хэ Бянь вышел из дома — и мать с сыном тут же замолчали.

Он улыбнулся бабушке Чжоу:

«Сегодня у нас курица, заходите к нам поужинать»

Тянь Ваньсин и Чжан Мэйлин словно увидели спасение: раз в доме будет посторонний, Хэ Бянь не осмелится вести себя как прежде! И они сами смогут спокойно сесть за стол.

Но бабушка Чжоу посмотрела на худое лицо Хэ Бяня — в таком возрасте должно быть живое, полное сил, а не измождённое. Она вздохнула и покачала головой:

«И ты, бедный, натерпелся... Боюсь, если я у вас поем, тебя потом мать за это побьёт».

В деревне все знали: Чжан Мэйлинь славится скупостью.

Даже на Новый год у неё на столе — прошлогодние, уже отсыревшие семечки. А родственников она звала в гости только после четвёртого дня праздников, угощая их остатками — жидким супом да объедками.

Чжан Мэйлин настойчиво уговаривала бабушку остаться, но та отмахнулась:

«Поздно. Теперь вся деревня знает, какой у тебя сын "почтительный". Звать меня бесполезно. Я и так не потяну вашу еду».

Чжан Мэйлин было нечего сказать — только продолжала уговаривать, но её чрезмерное рвение показалось бабушке странным. Испугавшись, она поспешно ушла.

Вернувшись домой, бабушка Чжоу стала рассказывать соседям:

«Думаю, всё, что говорил Хэ Бянь, правда. Чжан Мэйлин его теперь боится — как будто чего-то сверхъестественного. Похоже, он и правда может призывать духов предков, чтобы наказать её».

Кто-то ответил:

«Фу, да ты ещё с ней разговаривала? Не боишься дурной славы? Я вот теперь думаю, что у них вся семья какая-то нечистая. Наверняка и плотник Тянь на стороне не разгуливался зря».

<http://bllate.org/book/17226/1613179>